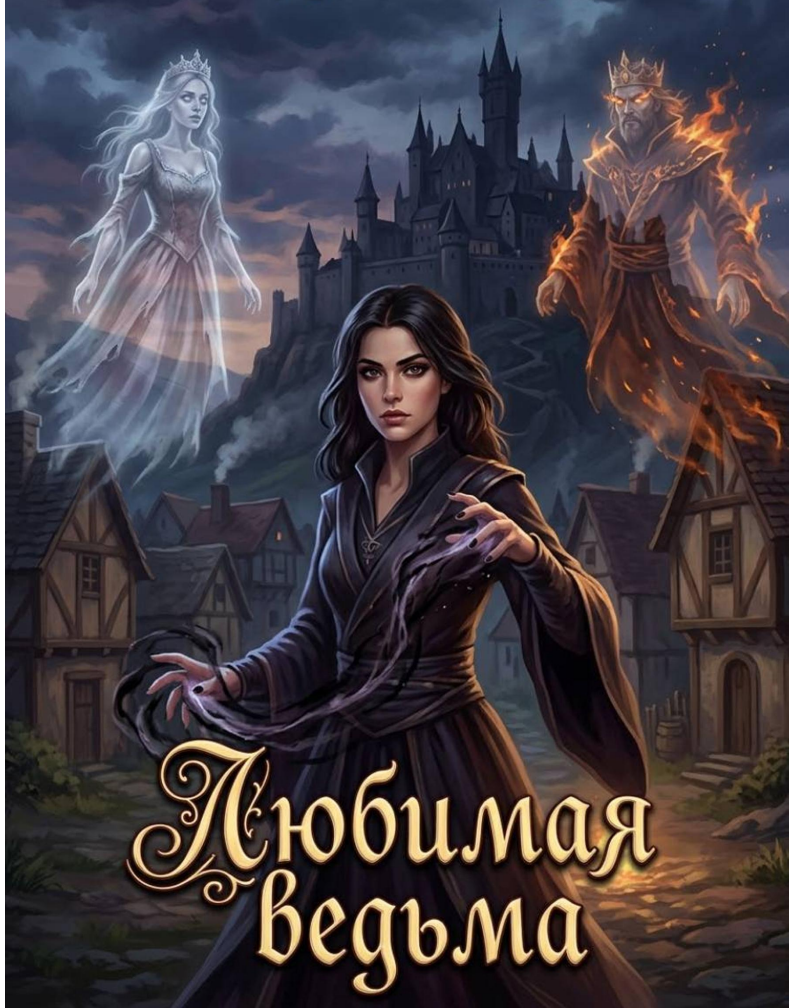

Патрушев Сергей

Любимая
ведьма

Сергей Патрушев

Любимая ведьма

<https://litres.ru/74613753>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где власть пахнет золотом и ложью, Лили лишь травница с лесной окраины. Но когда принцессу Алису, чьё сердце горит слишком ярко для золотой клетки, решают выдать замуж за пустышек, Лили берётся за дело.

Она не ищет принцев или того, кто не сгорит.

Сквозь интриги, похоть и лень аристократии Лили проведёт свой самый опасный ритуал, чтобы призвать в столицу настоящую стихию.

Это история о девушке, которая лечила раны, и ведьме, которая научилась зажигать пожары, чтобы спасти ту, что достойна стать пожаром сама.

Содержание

Глава 1. Дом у Трех Дубов	4
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Патрушев

Любимая ведьма

Глава 1. Дом у Трех Дубов

Рассвет в Тихом Роднике никогда не наступал с криком петуха или грохотом телег. Он просачивался сквозь густые кроны вековых елей, окаймлявших деревню с севера, медленно, словно густой, золотистый мед. Сначала свет лишь подсвечивал верхушки деревьев, заставляя капли ночной росы вспыхивать, как крошечные алмазы. Затем он спускался ниже, заливая туманную низину, в которой прятались приземистые, крытые соломой домики.

Империя Лисантия, простиравшаяся на тысячи лиг к востоку, казалась отсюда, с окраины Великого Леса, древней и почти мифической сказкой. Там, в столице, император Элиазар Третий, по слухам, строил хрустальные мосты и собирал налоги с помощью железных птиц. Здесь же главной властью были лес, река и здравый смысл. Деревня Тихий Родник жила по законам, которые не менялись со времен прадедов: сеешь весной — жнешь осенью, уважаешь лес — лес кормит тебя, обидел соседа — жди беды.

Дом Лили стоял на отшибе, там, где начиналась старая, заросшая папоротником дорога к заброшенному тракту. Он

не был похож на мрачные лачуги из крестьянских баек о ведьмах. Это было приземистое, но удивительно гармоничное строение из потемневшего от времени дуба, с высокой соломенной крышей, на которой по весне цвел дикий вереск. Стены дома почти полностью скрывал густой, старый плющ, листья которого осенью наливались багрянцем, превращая жилище в пылающий костер.

Внутри, вопреки сырому утреннему туману, было сухо и тепло. Воздух пах сушеными травами, пчелиным воском, озоновой свежестью после недавнего магического разряда и чем-то неуловимо сладким, похожим на печеные яблоки.

Лили стояла у массивного дубового стола в главной комнате. В свои двадцать пять лет она выглядела так, словно само воплощение осени спустилось в этот дом. Ее волосы, густые и непокорные, горели настоящим рыжим огнем, в котором переплетались оттенки старой меди, темного золота и осенней листвы. Пара непослушных прядей постоянно падала на лицо, и она привычным, бессознательным движением заправляла их за остроконечное ухо. Глаза Лили были цвета глубокого лесного мха — прозрачно-зеленые, с темным ободком по краю радужки. В них не было привычной крестьянской хитрости или тяжелой усталости; в них плескалось спокойное, древнее знание.

Одета она была просто: в свободные штаны из некрашеного льна и тунику цвета болотной воды, подпоясанную плетеным шнуром. На ногах — мягкие кожаные туфли, в кото-

рых она ступала по скрипучим половицам совершенно бесшумно. Эта легкая, почти невесомая походка всегда пугала местных: казалось, что она не идет, а скользит над полом, не тревожа вековую пыль.

На полках вдоль стен, вытесанных из цельных бревен, теснились ряды склянок. Здесь не было пугающих заспиртованных органов или черепов животных. Вместо них стояли банки с перетертыми кореньями, пучки полыни и зверобоя, свисающие с потолочных балок, мешочки с сушеными ягодами можжевельника и толченым перламутром. В центре комнаты, прямо над каменным кругом в полу, висел на массивной цепи чугунный котел.

Лили медленно помешивала в нем густеющий отвар серебряным черпаком. Жидкость внутри светилась мягким, пульсирующим бирюзовым светом, и с каждым круговым движением черпака от поверхности отрывались крошечные светящиеся сферы, поднимаясь к закопченному потолку и беззвучно лопаясь.

— Еще три оборота посолонь, шепот на закрытие и шепот толченой луноцветки, — пробормотала она себе под нос, скорее сверяясь с внутренним ритмом, чем с книгой.

Книга, впрочем, лежала тут же, раскрытая на странице с рецептом «Стирателя памяти о боли». Это был тяжелый фолиант в переплете из дубленой кожи, с пожелтевшими страницами, исписанными выцветшими чернилами. Лили нашла его на чердаке, когда только пришла в этот дом пять лет на-

зад. Буквы в книге менялись, подстраиваясь под ее родной язык, а некоторые рецепты сами проступали на полях, когда в деревне случалась очередная хворь, с которой не справлялись обычные лекари.

Тишину, нарушаемую лишь бульканьем отвара, разорвал стук.

Он был не вежливым, в три пальца, как стучатся соседи за солью. Это была отчаянная, истеричная дробь, от которой задрожали слюдяные вставки в маленьком оконце.

Лили не вздрогнула. Серебряный черпак в ее руке замер на мгновение, затем завершил плавный круг. Она накрыла котел тяжелой дубовой крышкой. Бирюзовое свечение мгновенно угасло, погрузив комнату в привычный полумрак, разгоняемый лишь огнем в очаге.

— Открыто, — ровно произнесла она, не повышая голоса.

Дверь с грохотом ударилась о стену, и в дом ввалилась девушка.

Шинре, дочери деревенского гончара, было не больше семнадцати. Крепкая, кровь с молоком, с веснушками на вздернутом носу, сейчас она выглядела жалко. Ее простое льняное платье было перепачкано землей и чем-то темным, запекшимся. Русые волосы растрепались, выбившись из-под платка. Но страшнее всего была ее правая рука. Она была замотана грязной, насквозь пропитавшейся кровью тряпичей, сквозь которую проступали зловонные желтоватые пятна. Рука распухла до неестественных размеров, став похожей

на толстую серую колоду.

Шинра сделала два шага и рухнула на колени прямо на каменный пол, заходясь в беззвучных рыданиях. Ее плечи тряслись, а из горла вырывались хрипы.

— Он... он сказал, что сгниет... — выдавила она, захлебываясь слезами. — Сказал, что я... что руку отнимут... Ма-тушка с ума сойдет, кому я такая... гончар без руки — ни приданого, ни работы...

Лили спокойно подошла к девушке. Она не стала охать, причитать или суетиться. Ее движения оставались такими же плавными. Она опустилась на одно колено рядом с Шинрой, но не коснулась ее.

— Тише, — голос ведьмы был глубоким и обволакивающим, как шерстяной плед. — Никто ничего не отнимет. Гончарное колесо любит две руки, а не одну. Снимай тряпку. Только медленно, ты делаешь себе больнее, когда сжимаешь ее так.

Шинра, дрожа всем телом, здоровой левой рукой начала разматывать узел. Ткань присохла к ране, и когда она дернула, девушка вскрикнула.

Рана была скверной. Глубокий порез, оставленный, судя по рваным краям, ржавым серпом или старой косой, воспалился. Кожа вокруг почернела, а из самой раны, пульсируя в такт редкому сердцебиению, сочился густой желтый гной. От нее шел сладковатый запах тлена — верный признак того, что обычная плоть проигрывает битву. Деревенский старо-

ста, к которому Шинра побежала первым делом, лишь развел руками и посоветовал молиться Заступнице, а местный травник дал припарку из подорожника, которая только ускорила нагноение.

Лили нахмурилась. Она поднесла ладонь к ране, не касаясь ее, на расстоянии в полпальца. От ее руки пошел ощутимый жар.

— Железо было грязным, — констатировала она. — И землей присыпали не освященной. Зараза пустила корни глубоко.

Она выпрямилась и подошла к полке. Ее пальцы безошибочно, словно имея собственную волю, выбрали три флакона из темного стекла.

— Шинра, посмотри на меня, — скомандовала Лили.

Девушка подняла заплаканное, опухшее лицо.

— Будет щипать так, что небо с овчинку покажется. Ты можешь кричать. Мой дом к крику привычный. Но руку не отнимай. Поняла?

Шинра судорожно кивнула.

Лили вернулась к столу, налила в глиняную плошку чистой родниковой воды из кувшина и добавила туда по несколько капель из каждого флакона. Вода в плошке мгновенно вскипела, хотя под ней не было огня, и сменила цвет с прозрачного на густой, чернильно-синий.

— Это корень мандрагоры, растертый при полной луне, — пояснила Лили, скорее для собственного сосредоточения,

чем для девушки. — Это слеза ивы. А это... это просто огонь.

Она взяла чистую льняную ленту, подцепила плошку и подошла к Шинре.

— Дыши ртом. И держись за лавку.

Лили плеснула синей жидкостью прямо в рану.

Шинра закричала. Это был не человеческий вопль, а животный, первобытный рев. Ее тело выгнулось дугой, она вцепилась побелевшими пальцами в край деревянной лавки так, что побелели костяшки. Рана зашипела, словно раскаленное железо окунули в масло. Синий свет начал стремительно пожирать черноту. Гной, смешиваясь с зельем, превращался в серую пену и отваливался кусками мертвого мяса, обнажая живое, розовое, кровоточащее мясо.

Лили не давала девушке опомниться. Как только первая волна боли схлынула, она схватила со стола пучок сушеных листьев лунного папоротника, бросила их в ступку и с силой растерла тяжелым пестиком. В воздух поднялась серебристая пыльца. Ведьма сдула ее прямо на рану Шинры.

Пыльца осела на открытые ткани, и кровотечение мгновенно остановилось. Боль отступила, сменившись глубоким, тяжелым онемением. Девушка обмякла, тяжело дыша и глядя перед собой расширенными от пережитого ужаса глазами. По ее вискам градом катился пот.

Лили отставила пустую плошку. Теперь началось самое тонкое. Она снова опустилась на колени. Положила свою

правую руку ладонью вверх над раной, а левую — на лоб Шинры, заставляя ее откинуть голову назад.

— Смотри в потолок, — велела она. — Видишь трещину? Она похожа на реку. Следи за ней.

Лили закрыла глаза. Ее дыхание замедлилось, стало глубоким и ровным. Воздух в комнате заметно похолодел.

Магия Лили не была похожа на те фокусы, что показывают бродячие артисты на ярмарках в Лисантии. Там любят вспышки, грохот и появление кроликов из шляп. Ее магия была тихой.

Из центра ладони Лили полился мягкий, золотистый свет. Он не обжигал. Он был теплым, как лучи утреннего солнца, пробивающиеся сквозь листву. Этот свет коснулся плеча Шинры и начал впитываться в кожу.

Лили не строила плоть заново из ничего. Она лишь шептала, направляя собственные силы девушки. Она призывала память клеток, приказывала сосудам срастаться, заставляла нити мышц сплетаться воедино. Это была алхимия самой жизни. Под золотым светом кожа начала натягиваться. Сначала медленно, со скоростью растущего дерева, затем быстрее. Розовое мясо затягивалось, покрываясь тонким слоем новой, младенчески нежной кожи. Никакого шрама не осталось — лишь едва заметная белая линия, похожая на старый след от шелковой нити, указывала на то, что здесь когда-то была рваная рана.

Процесс занял не больше пяти минут, но для Лили они

растянулись в час тяжелого труда. Когда она открыла глаза, золотистый свет иссяк. Она тяжело оперлась руками о колени. В ушах стоял тихий звон, а перед глазами плясали темные пятна — отдача от глубокого вмешательства в чужую жизненную силу.

Шинра пошевелила пальцами. Затем сжала и разжала кулак. На ее лице отразилось изумление, граничащее с суеверным ужасом. Она ощупала плечо, предплечье, локоть. Кожа была гладкой, горячей, но целой. Никакой боли. Никакой опухоли.

— Как... — прошептала она. — Лили, оно... оно как новое.

— Оно и есть новое, — хрипло ответила ведьма, поднимаясь на ноги. Ноги плохо слушались ее. Она доковыляла до лавки у очага и тяжело опустилась на нее, протягивая руки к огню, чтобы согнать внутренний холод. — Не опускай ее в холодную воду до заката. И три дня ешь только теплое — бульоны, печеные корни. Никакого сырого мяса или ледяного молока, иначе лихорадка вернется.

Шинра все еще сидела на полу, прижимая спасенную руку к груди. По ее щекам снова потекли слезы, но теперь это были слезы чистого, незамутненного счастья.

— Я... я не знаю, как... — она запнулась. — У меня ничего нет. Отец даст тебе мешок муки, когда вернется с мельницы, но это только к вечеру...

Лили слабо махнула рукой, не оборачиваясь. — Мука мне

не нужна. Соседи носят ее чаще, чем я успеваю печь хлеб. Иди, Шинра. Гончарное колесо само себя не покрутит. И скажи старосте, что если еще раз принесет кому-то припарку из гнилого лопуха на такую рану, я напою его отваром из белладонны, и он три дня будет видеть, как его собственная борода пытается его задушить. Иди.

Девушка вскочила, поклонилась так низко, что едва не ударилась лбом о порог, и выскользнула за дверь, осторожно притворив ее за собой.

Лили осталась одна. Тишина дома снова обступила ее. Она посидела еще несколько минут, глядя на пляшущие языки пламени, пока дрожь в руках не унялась. Затем она поднялась.

Ее взгляд упал на стол. Рядом с черпаком, который она оставила, лежала корзина. Плетеная, из ивовых прутьев, доверху наполненная наливными, темно-красными яблоками. От них шел густой, пряный аромат ранней осени.

Лили усмехнулась уголком рта. Яблоки были хороши — сорт «царская кровь», который в Тихом Роднике выращивал только один человек, старый пасечник Борим. Он никогда не приносил их просто так. Значит, у Борима либо заняло в пояснице, либо его старая коза снова объелась дурман-травы и теперь видит сны о полетах на луну.

Она подошла к столу, взяла одно яблоко, потерла его о рукав, чтобы стереть невидимый восковой налет. Надкусила. Сок брызнул на язык — сладкий, с легкой, благородной

кислинкой.

Дом снова наполнился звуками. За окном окончательно рассвело, и птицы в саду у Трех Дубов — трех древних исполинов, давших название ее жилищу — завели свою утреннюю переключку.

Лили подошла к окну, выходящему на задний двор. Отсюда открывался вид на ее маленькое королевство.

Справа, под навесом из еловых лап, была ее лаборатория. Длинный стол, вытесанный из цельного ствола, заставленный перегонными кубами из меди, стеклянными змеевиками и ступками разного размера. На веревках здесь сушились пучки трав, от которых шел такой густой дух, что у непривычного человека могла бы закружиться голова.

Слева, за домом, начинался огород. Сейчас, в середине лета, он представлял собой пестрое лоскутное одеяло. Ровные грядки с женишенем, который требовал для роста лунного света ровно три часа в неделю. Кусты малины, ягоды на которой всегда были размером с небольшую сливу. Посреди огорода стояла каменная баба — древний, поросший мхом идол, оставшийся от племен, живших здесь задолго до того, как имперские легионы Лисантия проложили первый тракт. Лили использовала его как пугало, повесив на каменные руки связки чеснока и горькой полыни. Идол отлично справлялся с воронами, но, кажется, привлекал слишком много говорящих сорок.

Сам дом у Трех Дубов был местом силы. Лили чувствова-

ла это ступнями. Корни древних деревьев уходили глубоко в землю, сплетаясь с жилами подземных вод и старыми, почти забытыми магическими токами. Лес делился с ней своей мощью, а она платила ему тем, что поддерживала равновесие. Если в чащу заходил больной волк, она оставляла на пне приманку с целебным корнем. Если начинался пожар от сухой грозы, она заговаривала ветер.

Она не была доброй в том смысле, в каком добры деревенские старушки, раздающие нищим краюхи хлеба. Ее доброта была сродни доброте самой природы — справедливой, холодной и абсолютно логичной. Она лечила людей не из жалости, а потому что нарушение целостности одного звена в деревне могло разрушить всю цепь. Шинра — дочь гончара. Если Шинра потеряет руку, гончар останется без помощницы, наделает кривых горшков, не сможет заплатить подать, упадет в нужду, начнет пить, и его старший сын пойдет воровать лес у барона. Хаос порождает хаос. Порядок же требует усилий.

Лили вернулась к столу. Работа на сегодня только началась.

Она зачерпнула из мешка горсть сушеных лепестков василька и бросила их в ступку. Сегодня нужно было составить «Слезы вдовы» — капли для глаз, которые возвращали зрение старикам, чье время, казалось, уже начало забирать краски мира. Работа была кропотливой. Лепестки нужно было растереть в пыль ровно за сто сорок четыре удара сердца,

иначе зелье теряло свою прозрачность и начинало вызывать неконтролируемый поток настоящих слез.

Она начала работу, входя в привычный ритм. Удар пестика о камень. Вдох. Удар. Выдох. За окном окончательно наступило утро. Где-то в деревне пропел петух, на этот раз настоящий.

Скрипнула калитка.

Лили не подняла головы от ступки, но ее слух, обостренный годами жизни на границе леса, уже узнал тяжелую, шаркающую походку. Так ходит человек, чьи кости ноют к дождю, а душа — к исповеди.

Дверь снова открылась, на этот раз без стука, но гораздо тише, чем утром. На пороге стоял кузнец Гром.

Огромный, заросший черным волосом по самые глаза, с руками, похожими на древесные коряги. Он мог согнуть подкову голыми пальцами и завязать узлом железный прут. Но сейчас этот великан мялся на пороге, комкая в руках выдававший виды кожаный картуз. Его плечи были опущены, а в обычно свирепых глазах стояла такая тоска, что ее, казалось, можно было резать ножом.

— Ведьма, — пробасил он, и его голос, привыкший перекрывать звон наковальни, прозвучал глухо и надломленно. — Лили... Ты занята?

Лили закончила растирать васильки. Сняла с крючка на стене чистую тряпицу, протерла пестик и положила его на место. Только после этого она подняла на кузнеца свои зеле-

ные, цвета лесного мха, глаза.

— Заходи, Гром, — сказала она. — Ставь чайник. И рассказывай. У тебя на левом сапоге глина с Западного тракта, а туда ты ходишь только тогда, когда дела в кузне идут так плохо, что ты готов продать наковальню. И когда Марта снова погнала тебя из дома.

Гром переступил порог, и половицы под его весом жалобно заскрипели. Он тяжело опустился на лавку, на то самое место, где утром сидела Лили.

— Стерва она, — выдохнул он, кладя картуз на колени. — Правду говоришь. Выгнала. Сказала, что от меня несет гарью и безнадегой. Что толку от мужика, который железо гнет, а собственную жизнь разогнуть не может...

Лили молча взяла чайник, налила в него воды из кувшина и повесила над очагом на железный крюк. Затем достала с полки жестянку с листьями черного сбора.

— Железо гнуть — дело нехитрое, — ровно произнесла она, насыпая листья в глиняный заварник. — Оно не плачет, когда его бьют молотом. И не требует по ночам, чтобы ты говорил ему, какое оно красивое. Наливай себе воды, Гром. И снимай сапоги, от них несет так, что мой лунный папоротник на полке вянет.

Кузнец неуклюже стянул тяжелые сапоги. В комнате запахло потом, дорожной пылью и кислым запахом дешевого трактирного эля.

Лили залила заварник кипятком. По дому поплыл густой,

терпкий аромат с нотками дикой смородины и горного меда.

Она села напротив кузнеца. Ее стул был низким, и теперь ее голова едва доставала до его могучей груди. Но в этот момент не Гром возвышался над ней, а она смотрела на него сверху вниз — взглядом спокойным, глубоким и абсолютно лишенным страха.

— Пей, — она подвинула к нему кружку с дымящимся напитком. — Это снимет боль в пояснице. А потом мы будем решать, как разогнуть твою жизнь. И учти, Гром, если ты скажешь, что тебе просто нужно выговориться и уйти, я вылью остатки кипятка тебе на колени. Мне нужен план, а не твое нытье. Марта права в одном — от безнадёги действительно смердит.

Гром взял кружку своей лапищей, которая могла бы обхватить ее всю. Он сделал осторожный глоток, обжегся, но даже не поморщился. Его плечи впервые за утро чуть расслабились.

— План, — хмыкнул он в густую бороду. — Какой тут план, ведьма... Если я Марту одну оставлю, она с тоски либо хозяйство по миру пустит, либо... — он махнул рукой. — Старый мельник на нее уже глаз положил. Денег у него куры не клюют, а жена его три года как в сырую землю легла.

— Мельник старый, толстый и пахнет затхлой мукой, — отрезала Лили. — Марта любит крепкие руки и запах свежего хлеба, а не плесени. Она злится не на тебя, Гром. Она злится на то, что ее лучшие годы уходят на штопанье твоих

прожженных рубрах, пока ты куешь мечи для баронской дружины, которые барон даже не оплачивает вовремя. Она хочет, чтобы ты был хозяином, а не инструментом.

Лили встала и подошла к своему рабочему столу. Отодвинула в сторону ступку с васильками.

— У тебя есть два слитка хорошей стали, которые ты припрятал под половицей в кузне, — сказала она, не оборачиваясь. — Те, что остались от заказа для гарнизона. Достань их. И сделай ей ножницы.

— Ножницы? — Гром поперхнулся чаем. — Лили, я боевой молот ковал! Я секиры делал, от которых щиты в щепу! Я тебе могу такую розу из дамасской стали выковать, что императорский двор ахнет! А ты мне — ножницы?

— Именно, — Лили повернулась к нему. В ее зеленых глазах блеснул опасный, колющий огонек. — Но не простые. Сделай ей ножницы для стрижки овец. Но рукоять вырежи из самшита. И на лезвиях, у самого основания, выкуй крошечных, почти невидимых птиц. Так, чтобы они казались просто узором, пока ножницы закрыты. А когда Марта их раскроет, чтобы остричь первую овцу в отаре, птицы должны казаться живыми. Сделай их так, чтобы любая другая женщина в деревне, взглянув на них, умирала от зависти.

Гром слушал, приоткрыв рот. Его маленькие глазки, до этого тусклые, начали разгораться знакомым огнем кузнечного горна.

— А узор... — пробормотал он. — Я могу их чеканкой

пройти... И воронение синее сделать...

— Сделай, — кивнула Лили. — И когда пойдешь мириться, не бери с собой цветы. Цветы вянут. Возьми эти ножницы. Положи их перед ней на стол. И молчи. Пусть она сама возьмет их в руки. Когда она поймет, что ты выковал не просто инструмент, а вещь, в которой больше красоты, чем во всех побрякушках жены старосты... вот тогда, Гром, ты увидишь, как пахнет не безнадега, а примирение.

Кузнец медленно кивнул. Он залпом допил чай, крикнул и поднялся. Его огромная фигура больше не казалась согбенной под тяжестью мира.

— Лили... — он снова комкал картуз. — Спасибо. За чай. И... за Марту.

— За чай потом заплатишь, — усмехнулась она. — Зимой привезешь мне воз сухих березовых дров. А за Марту... если через три дня вы все еще будете рычать друг на друга, я приду к вам в кузню и ударю вас обоих по лбу своим пестиком. Убирайся. И сапоги свои не забудь, не хватало мне еще твоим гнилым сыром провонять весь дом.

Гром гулко рассмеялся. Звук был похож на камнепад, но теперь в нем была жизнь. Он натянул свои тяжелые сапоги, поклонился в пояс, едва не задев головой притолоку, и вышел.

Дверь закрылась.

Лили подошла к окну. Она смотрела, как огромная фигура кузнеца удаляется по тропинке, ведущей к деревне. Он

шагал широко и уверенно, и утреннее солнце блестело на его всклокоченных волосах.

Она вздохнула. День только перевалил за полдень, а она уже истратила уйму сил на глубокое исцеление, провела сеанс бытовой психотерапии для гиганта весом в полтора центнера и едва не сожгла отвар в котле.

Лили вернулась к столу. Снова взяла в руки серебряный черпак. Снова заглянула в котел.

Жизнь в Тихом Роднике была простой. Нужно было вставать до рассвета, лечить разбитые сердца и гниющие раны, мирить мужей с женами и следить, чтобы старый идол в огороде не слишком тосковал по человеческим жертвоприношениям.

Она помешала варево. Жидкость ответила ей тихим, довольным гулом.

Лили улыбнулась. Впереди был еще один рецепт, еще одна сломанная жизнь, которую нужно было осторожно, по кусочкам, собрать воедино. И этот простой, понятный ритм наполнял ее существование тем самым смыслом, который люди в больших городах искали в золоте, власти и молитвах каменным богам в пышных храмах.

Она подула на черпак, сдувая невидимую пылинку, и продолжила варить свой магический отвар. За окном, в тени Трех Дубов, пела птица, и этот звук был лучшей музыкой для ведьмы, которая просто пыталась сделать мир вокруг себя немного теплее.

Солнце начало клониться к закату, окрашивая небо над Великим Лесом в оттенки запекшейся крови и старого золота. Тени от Трех Дубов вытянулись через весь огород, доставая почти до самой калитки.

Лили сидела на пороге своего дома, на старой деревянной ступеньке, подогнув колени. В руках она держала то самое яблоко, которое взяла из корзины Шинры. Оно было надкушено с одной стороны, и обнажившаяся мякоть уже начала темнеть на воздухе.

День выдался долгим. После кузнеца Грома приходила вдова Бронка — у нее сбежала единственная коза, и Лили пришлось гадать на пепле, в какой чаше рогатая прохвостка нашла куст дикой малины. Затем забегали мальчишки — принесли птенца сойки со сломанным крылом. Птица теперь сидела в плетеной корзинке на печи, завернутая в мягкое полотно, и злобно сверкала черными глазами-бусинками на каждый шорох.

Рука, которой Лили держала яблоко, слегка ныла. Глубокое исцеление Шинры и костоправство для старого пасечника Борима (его поясница оказалась платой за слишком усердный сбор меда) всегда забирали физическую силу. Магия жизни требовала не только воли, но и плоти.

Она поднесла яблоко к лицу. Вдохнула аромат. Лето заканчивалось. Воздух становился прозрачным и колким, по ночам на траву уже ложился первый иней, хотя до настоящих

холодов было еще далеко.

Из глубины дома донеслось тихое, мелодичное пение. Это не был голос Лили. Пела сама магия. В котле, накрытом тяжелой крышкой, доходил до нужной кондиции «Слезы вдовы». Лили знала, что если сейчас приоткрыть крышку, по дому разольется запах дождя и грозовой свежести, а отвар внутри будет светиться мягким перламутром.

Она доела яблоко, выбросив огрызок в густую траву у крыльца. Через неделю там, возможно, проклюнется тонкий зеленый росток — дикий, кислый, но живой.

Лили поднялась. Суставы чуть хрустнули. Она потянулась, разминая плечи, и этот простой, человеческий жест делал ее невероятно земной. Никакого сияния вокруг головы, никаких левитаций. Просто уставшая женщина после долгого рабочего дня.

Она вернулась в дом.

Внутри пахло покоем. Пахло сушеными яблоками, которые висели под потолком гирляндами. Пахло остывающим очагом. Пахло домом, в котором живет не зло, а тихая, упрямая сила.

Лили подошла к полке, где стоял ее древний фолиант. Провела кончиками пальцев по корешку. Кожа была теплой. Книга спала, переваривая сегодняшний день. На пустых страницах, которые ждали своего часа, чтобы записать новый рецепт или предостережение, медленно проступали золотистые буквы. Лили не стала их читать. Это можно будет

сделать завтра, на свежую голову.

Она задула единственную сальную свечу, горевшую на столе. Комната погрузилась в сумерки, освещаемые лишь тлеющими углями в очаге да первыми, самыми смелыми звездами, заглядывающими в маленькое оконце.

Лили прошла в свою спальню — маленькую каморку за печью. Здесь стояла лишь узкая кровать, застеленная лоскутным одеялом, и сундук с ее немногочисленными вещами.

Она сняла рабочую тунику, оставшись в одной нижней рубаше. Расчесала свои огненные волосы костяным гребнем. Рыжие пряди в полумраке казались почти темными, цвета старой бронзы.

Усталость навалилась на нее тяжелой, мягкой волной. Но это была хорошая усталость. У нее болела спина, потому что она таскала воду для Борима. У нее саднило виски, потому что она удерживала сознание Шинры, пока выжигала инфекцию. У нее звенело в ушах от крика Грома, когда тот наконец понял, как сильно любит свою сварливую Марту.

Лили забралась под одеяло. Оно пахло полынью и лавандой.

Сквозь дрему она слышала, как в очаге с тихим треском рассыпался последний уголек. Как на печи завозился и тихо пискнул птенец сойки. Как за окном, в густой кроне одного из Трех Дубов, завозился старый филин, приветствуя настоящую хозяйку ночи.

Где-то в деревне, в трех лигах отсюда, Шинра, наверное,

уже смеется, помогая отцу месить глину двумя здоровыми руками. А Гром, должно быть, грохочет молотом, выковывая не боевой молот, а изящных, почти живых птиц на лезвиях ножниц для своей жены.

Лили улыбнулась в темноте и закрыла глаза.

Завтра настанет новое утро. Туман снова сползет с низины, птицы в саду запоют свои песни, и кто-то обязательно придет, постучав в дверь дома у Трех Дубов — робко или отчаянно, с корзиной яблок или с мешком муки. И она будет здесь. Чтобы лечить, вправлять, варить свои зелья и напоминать людям, что даже самая глубокая гниль может быть выжжена, если найдется достаточно света.

Сон накрыл ее мягко, словно укутывая в бархатное, черное крыло. Дом у Трех Дубов спал, набираясь сил вместе со своей хозяйкой, и только магический отвар в котле продолжал тихо, убаюкивающе напевать свою бесконечную песню о жизни, которая всегда находит способ пробиться сквозь камень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.